

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Ю. Д. ГРАНИН	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
И. И. ДОКУЧАЕВ	заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Н. С. ЗЕЛИКИНА	доцент СПбГУП, кандидат исторических наук
В. М. КАПИЦЫН	доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
С. С. КОМИССАРЕНКО	профессор СПбГУП, доктор культурологии
П. Н. КОНДРАШОВ	старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук
В. А. КОНЕВ	профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
Т. В. КУЗНЕЦОВА	профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
И. В. МАЛЫГИНА	профессор Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук
А. П. МАРКОВ	профессор СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП
С. Б. НИКОНОВА	профессор СПбГУП, доктор философских наук
О. И. СТАВЦЕВА	заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент СПбГУП, кандидат философских наук
А. Н. ФАТЕНКОВ	профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Дорогие друзья, начинаем работу секции «Марксизм и культура». Хочу предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому, члену-корреспонденту Российской академии наук, ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, руководителю Организационного комитета Международных Лихачевских научных чтений. Обычно работу форумов такого уровня координируют оргкомитет, который организует всю работу, и программный комитет, определяющий проблемное поле и задающий идейное содержание конференции. Но уникальный и единственный случай в мировой практике, когда программный и организационный комитеты сочетаются в одном лице — Александра Сергеевича Запесоцкого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович. Дорогие друзья, хочу поприветствовать вас от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. В этот день, когда проходят секционные заседания, у меня специфическая миссия — я хожу по аудиториям, где проводятся заседания, и приветствую участников от имени Оргкомитета. В XVIII Лихачевских чтениях одновременно принимают участие полторы тысячи человек. Примерно 100 человек — международная группа под эгидой МИД — заседают в отеле «Рэдиссон». В Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова СПбГУП в 14 часов соберутся 750 старшеклассников со всей России, которые будут обсуждать итоги своей научной работы за год — они прислали доклады, в которых осмысля-

ется духовное и нравственное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Я хочу пожелать успехов в работе вашей секции. С моей точки зрения, тематика заседания обозначила важное направление работы нашей конференции. Среди участников — известные гуманитарии и крупные специалисты. В частности, руководитель секции — выдающийся философ, академик А. А. Гусейнов. Уверен, что более квалифицированного руководства сегодня нельзя обеспечить. Я горжусь тем, что все годы проведения Чтений научные дискуссии в каждой секции ведут личности такого уровня.

Двухсотлетие Карла Маркса — повод для того, чтобы еще раз обсудить гуманитарное наследие классика и его актуальность в современном мире. К сожалению, в момент развала Советского Союза мы пережили этап нигилизма, когда по идеологическим соображениям у нас стали критиковать всех — Сталина, Ленина, Маркса. Конечно, эти фигуры разные, но их выдающаяся роль в истории Российского государства очевидна. Карла Маркса я поставил бы в ряд ведущих мыслителей истории человечества. К сожалению, за последние десятилетия, и особенно к 200-летию юбилею, буржуазная пресса, принадлежащая олигархам, породила лавину статей, которые укладываются в формулу «Карл Маркс мертв». На самом деле устарел капитализм, а Маркс, по моему глубоко убеждению, — нет, и его наследие будет жить в вечности.

Другое дело, что он писал свои работы в определенную эпоху, осмысляя то, что происходило в современном ему обществе XIX века. В этом Маркс добился успехов, но в прогностическом смысле он не мог предвидеть нюансы будущего. Например, в его эпоху трудно было представить себе, какие фундаментальные трансформации произойдут во второй половине XX века: научно-техническая революция, информатизация, изменение структуры рынка, уход классического рынка из сферы экономики и т. д. Все эти детали трудно было предвидеть. Но философское видение мира, которое выработал Карл Маркс, остается одним из важных для понимания сегодняшних реалий.

К сожалению, марксистское наследие не востребовано современной системой образования. Признаюсь, я был неприятно удивлен, когда 5–7 лет назад в беседе с заведующим кафедрой философии одного из крупнейших московских вузов на мой вопрос, какое место в ваших программах занимает Карл Маркс, он ответил: «Никакого. Есть много более интересных философов, которыми мы не хотим жертвовать, выстраивая наши учебные программы». После этого я более внимательно ознакомился со структурой и содержанием образовательных программ и выяснил, что в учебную программу всего лишь одной кафедры одного университета в нашей стране включен «Капитал» Карла Маркса.

Сегодня в мировой науке наблюдается возрождение интереса к Карлу Марксу, что продиктовано потребностями практики, стремлением понять, что происходит с нами и миром. В частности, сегодня активно дискутируется вопрос о том, что социализм не потерпел стратегического глобального поражения, особенно когда

мы смотрим на развитие государств в Западной Европе, опыт построения социальных обществ в Германии, Франции, Скандинавии. Мы видим движение в сторону социализма, расширение использования принципов социалистического мироустройства. Даже в США, самом либеральном государстве по экономическому и общественному устройству, процессы развиваются в том же направлении. Весь мир с большим интересом смотрит на Китай, который демонстрирует торжество теории конвергенции: не отказываясь от социализма, страна демонстрирует потрясающие темпы экономического развития.

В общем, у нас сегодня есть много конкретных и важных оснований относиться к учению Карла Маркса как к живому и перспективному. Мой совет студентам — не упускайте методологию мышления и идеи Карла Маркса из своего поля зрения.

Абдусалам Абдулкеримович, Вы представили блистательный доклад на пленарном заседании. Я прошу Вас в конце дискуссии развернуто сформулировать свое видение ситуации. Нам важно (в том числе для сборника Чтений) зафиксировать панораму того, на что в будущем необходимо обратить внимание. Наши научные поиски не ограничиваются работой этой секции — мы будем публиковать интересные доклады и материалы дискуссии в научных журналах.

И в заключение мне хотелось бы сделать технологическое замечание: я прошу не повторять доклады, опубликованные на сайте. Смысл работы секций — акцентировать самое главное, взглянуть под иным углом зрения на те идеи, которые были высказаны в ваших статьях. Уверен, под руководством Абдусалама Абдулкеримовича в секции найдется место для вопросов, обмена мнениями, реакции на выступления друг друга. В этом и заключается смысл нашего общения — посмотреть друг другу в глаза, с чем-то не согласиться, о чем-то поспорить. Успехов!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. Мне хотелось бы, чтобы с учетом формата конференции, ограниченности времени и заявленных тем у нас состоялся продуктивный разговор о Марксе. Предлагаю выступающим сосредоточиться именно на Марксе, на том, что предлагал этот великий мыслитель применительно к культуре, тем или иным аспектам нашей жизни.

Карл Маркс — необычная фигура. Если назвать пять имен духовной и интеллектуальной истории Европы, то в этом списке обязательно будет Маркс. Это выдающаяся личность не только в интеллектуальном, но и в духовном, социальном развитии человечества. В последние годы отношение к Марксу стало индикатором революционности, подъема общественного сознания. Достаточно сказать, что кризис 2007–2008 годов усилил интерес к личности Карла Маркса и увеличил тиражи «Капитала».

В истории нашей страны марксистское наследие сыграло особую роль. Осмысление современного состояния России, ее перспектив в значительной мере сопрягается с нашим отношением к советскому, социалистическому прошлому, со стремлением понять, что

там было хорошего и плохого. В какой мере мы наследуем идеи марксизма, в какой отрицаем их — вне этого сравнения мы в принципе не можем помыслить ни собственное существование, ни наше будущее. Вся советская история была связана с именем Маркса, осуществлялась под знаменем его идей и мыслей. В этом смысле отношение к Марксу и его теоретическому, идейному революционному наследию органично входит в процесс нашего национального самосознания.

Наряду с неугасаемой общественной актуальностью есть собственно интеллектуальные причины интереса к Марксу — глубокому мыслителю и выдающемуся философу, который заложил собственную традицию философской мысли. Размышления о духовном наследии Маркса актуальны и для молодого поколения, которое представлено аудиторией в нашем зале. Маркс для современной молодежи не является той фигурой, какой он представлялся нашему поколению: я входил в сознательную жизнь и воспринимал Маркса в качестве учителя.

Для усиления дискуссионной атмосферы предлагаю начать нашу работу с двух докладов, в которых представлены различные взгляды на Маркса и его интеллектуальное наследие. Первый — доклад Алексея Николаевича Фатенкова «О Марксе как человеке европейской культуры и рецепции его идей в России». После него выступит Александр Петрович Марков с докладом «Марксизм как теория и религия: эпоха заката».

Алексей Николаевич, Вам слово.

А. Н. ФАТЕНКОВ: — Уважаемые коллеги, о Марксе мне говорить легко, потому что я никогда не был ни горячим поклонником этого немецкого философа, ни его хулителем. По своим философским предпочтениям я придерживаюсь экзистенциалистской традиции, поэтому для меня априори существует некая дистанция от марксистской традиции. Но сегодня, как ни удивительно, мне, человеку секулярной, светской культуры, оказавшемуся в социально-культурной ситуации реставрации религиозно-церковных ценностей (ситуации для меня не очень приятной), имеет смысл защищать Маркса именно как человека секулярной, светской культурной направленности. Надо добавить, что по своему первому образованию я естествоиспытатель. И если я поверю в то, что каждый год в апреле-мае в Иерусалиме сверхъестественным способом зажигается благодатный огонь, то должен с извинениями положить университетский диплом на стол, отказаться от него, чего категорически делать не собираюсь.

Из текста своего сообщения, размещенного на сайте, хочу привести сейчас только главный тезис, предварительно отметив, что заголовок сообщения сформулирован в пику известной статье Сергея Николаевича Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип». У меня — напротив: «Карл Маркс как все-таки нерелигиозный». Почему я на другом полюсе? Главный аргумент — отношение к труду. Для человека религиозного мировосприятия труд — это наказание за так называемый «первородный грех». По Марксу все иначе: труд — та сфера, в которой человек только и способен актуализировать свою эмансипированную человек-

ность. И для меня это очень важно, несмотря на здравое осознание того, что далеко не все виды (формы) отчуждения, возникающие в процессе трудовой деятельности, могут быть сняты, преодолены.

Представляется целесообразным сказать несколько слов о Марксе как интеллектуале, чьи идеи хорошо укладываются в стратегию развития философской мысли Нового времени (с частичным охватом возрожденческой мировоззренческой установки). Нетрудно показать, что базовые принципы учения Маркса являются основополагающими для всей новоевропейской культуры и образованности. В связи с этим сегодняшние перспективы аутентичного марксизма во многом зависят от общекультурных перспектив мирового развития.

Итак, о точках идейного сопряжения Маркса и нововременной парадигмы. Во-первых, это принцип строгой рациональности, научности. Я достаточно критично отношусь к данной установке: не одним интеллектом жив человек, и незачем рассудочно иссушать чувства, далеко не все страсти следует гасить, даже занимаясь интеллектуальным трудом. Маркс был одним из тех, кто хотел превратить философию в строгую науку. На мой взгляд, в этом нет большого резона. Пусть философия и наука останутся двумя видами сверхобыденной интеллектуальной, культурной практики. У них, несомненно, есть что-то общее и что-то отличное: и в содержательном аспекте, и в плане языка, и в методологическом ракурсе. Не исключено (а скорее всего, так оно и есть), что ныне наука (новременная наука — хоть классической, хоть постклассической стилистики), исчерпав свой эвристический потенциал, вступила в полосу глубокого кризиса. Его зримым проявлением является наукообразная цифровизация важнейших сфер человеческой жизнедеятельности. Но нет: исчисляющее, калькулирующее мышление примитивно и убого в сравнении с мышлением понимающим. Тут экзистенциалиста не переубедить.

Во-вторых, Маркс — прогрессист. Он, как Тюрго и Кондорсе, отчасти как Гегель, считал, что сегодня (если говорить упрощенно) лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь Маркс тоже предстает типичным европейцем нововременной формации. Мировые катастрофы XX века подорвали веру в прогресс. Угрозы человеческой свободе и человеческому естеству, исходящие от сциентистско-технократических проектов, не прибавляют оптимизма. Иначе говоря, обоснование прогрессизма сейчас сталкивается с куда большими трудностями, нежели во времена Маркса.

В-третьих, Маркс — гуманист, по крайней мере, гуманист возрожденческого толка. Не следует умалять гуманизм, но не стоит и предъявлять к нему повышенных требований, что нередко имеет место в отечественной социально-культурной традиции. Часто под гуманизмом мы понимаем человеколюбие: быть гуманистом — значит любить людей. Однако возрожденческий гуманизм не поднимает планку столь высоко. Достаточно уважительного отношения к человеку как к уникальной личности или даже индивидуальности — и ты находишься на позиции гуманизма. Тут возможны весьма странные ситуации. Можно быть гумани-

стом, но не любить людей, ни одного из них. Человек, которого любовь обошла стороной, без сомнения, несчастен. А можно любить, наверное, не всех, кого-то, пусть даже одного-единственного человека, и не быть гуманистом, если твердо уверен, что далеко не все люди заслуживают уважения, а некоторые и того, чтобы зваться людьми. И все-таки, как ни уязвим гуманизм по некоторым позициям, это плацдарм для сопротивления религиозному и сциентистско-технократическому фанатизму.

В-четвертых, Маркс, будучи аутентичным ново-европейским мыслителем, уделяет повышенное внимание проблеме времени. Всех философов, особенно онтологов, имеет смысл разделять на «временщиков» и «пространственников». На мир можно смотреть преимущественно в аспекте времени, а можно — в аспекте пространства. В русской философии приоритетная проекция — пространственная, в европейской — временная. Нам в России ближе те европейцы, которые склоняются к пространственным предпочтениям. Тем любопытнее феномен Маркса-«временщика», влияния на нас его идей.

Возможно, они подкупают пафосом свободы. Что есть свобода для Маркса? Гносеологически — познанная необходимость. Онтологически же свобода, по Марксу, есть свободное время. Человек, с его точки зрения, станет существом свободным, эмансипированным тогда, когда перестанет быть существом экономическим и станет собственно социальным. По первой части тезиса — никаких возражений. Действительно, перестать быть существом экономическим означает, что необходимо перестать работать только для того, чтобы поддерживать элементарное физиологическое существование и минимальную социализированность. Работать, ориентируясь не на пресловутую «эффективность», а, быть может, и с «перебором», получая удовольствие или хотя бы удовлетворение от того, что и как ты делаешь. Это и означает: перестать являться существом экономическим. Но со второй частью тезиса: когда человек станет существом собственно социальным — всё, свобода достигнута, а с ней и счастье, — экзистенциалист не может согласиться. И советский опыт — тому подтверждение. Обычно я привожу в пример фильм Андрея Смирнова «Осень» середины 1970-х годов. Люди моего поколения хорошо знают и помнят эту кинокартину. Молодым людям, присутствующим на конференции, советую ее посмотреть. Герои, мужчина и женщина, которым чуть за 30, знакомы со школы, у них был роман, потом судьба их развела, а затем случайная встреча в пельменной. И они, бросив все, уезжают вдвоем на неделю в Карелию. И что там за бортом — социализм или капитализм — в данном случае не имеет никакого значения. Главное — останутся они вместе или нет. Ни один общественный строй не осчастливит человека, если у того нет близких отношений с другим человеком.

Однако и принижать роль социальности, разумеется, не следует. Касательно того, что марксизм, так или иначе усвоенный советской традицией, дал мне, немарксисту, могу указать на качественное образова-

ние. Мы получили систематическое образование, и это замечательно. Потому что критический стиль мышления может сформироваться только как реакция на некую систематику, и люди моего поколения критическим мышлением, несомненно, обладают. У нынешней молодежи (извините, если кого-то обижу) уровень критического мышления невысок, и это при огромном массиве легкодоступной информации. Почему? Да потому, что в современной средней школе превалирует не систематика, а эклектика; и то же самое «образовательная реформа» пытается внедрить в вузах. На базе эклектики никогда не сформируется критическое мышление. На базе эклектики может возникнуть только эклектика второго порядка, и ничего более. Именно это и нужно властям предержащим. Легче руководить теми, кто не способен самостоятельно, трезво мыслить.

Наконец, о справедливости. Безусловно, это решающая характеристика социальности. Вчера на пленарном заседании были озвучены цифры, которые можно назвать ужасающими: 0,5 % населения страны присваивают 60 % национального дохода. Но дело даже не в цифрах, а в ощущении. Справедливость налицо только тогда, когда есть ощущение справедливости. А сегодня этого ощущения нет. Маркс боролся за социальную справедливость, и этого у него не отнять.

Завершающая реплика по поводу неопределенности, о которой вчера тоже шла речь. Необходимо разобраться, какова в этой неопределенности доля объективной и субъективной компонент. Действительно ли мир хаотически усложнился или этот хаос просто у нас в головах? Перестал ли мир быть миром идеологии или идеология лишь спряталась за имагологию (о ней немало любопытного сказано в известном романе Милана Кундеры)? Маркс разоблачал идеологию как ложное сознание. Но когда дело касается имиджа, граница между истинным и неистинным оказывается крайне зыбкой. К уровню философской критики, стало быть, должно предъявлять повышенные требования.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Теперь с докладом «Марксизм как теория и религия: эпоха заката» выступит Александр Петрович Марков, профессор СПбГУП.

А. П. МАРКОВ: — Свой критический пафос, который обозначен уже в названии сообщения, я постараюсь компенсировать высокой оценкой интеллектуального наследия Маркса — великого мыслителя XIX века, сотворившего невероятный по масштабу и качеству интеллектуальный и духовный проект. К заслугам Маркса можно отнести его антропокультурный и цивилизационный оптимизм: уверенность, что лучшее и справедливое будущее человечества возможно; утверждение человека в качестве творца истории; универсальную методологию анализа истории. По оценке известного американского исследователя Т. Рокмора, «Маркс — создатель самой впечатляющей общей теории современного мира, которая не имеет полных конкурентов». Не случайно марксизм оказался самым популярным интеллектуальным концептом XX века.

Но его «живучесть» нельзя объяснить лишь теоретическим вкладом классиков в гуманитарную мысль: ключевые позиции марксизма сегодня выглядят базовыми и несостоятельными. И в советское время, и сегодня «аргументы» сторонников марксизма в пользу величия марксистских метода и теории напоминают религиозные мантры, которые исключают какие-либо доказательства. Можно обозначить три фактора «живучести», которые находятся за гранью марксизма как теории.

Первый и главный фактор исторической устойчивости и популярности марксизма — его псевдорелигиозный характер: это единственное интеллектуальное учение, название которого происходит от имени его создателя (наравне с буддизмом, конфуцианством, христианством). Именно религиозность марксизма стала причиной «любви» к нему со стороны русского идеократического сознания. Но здесь требуется некоторое уточнение: что именно в марксизме придает ему характер религии и какой именно? В Сети на этот счет много публикаций — есть версии о социал-сионистских истоках марксизма, иудейских корнях и т. п.

Совершенно очевидно, что все «брендообразующие» тезисы учения Маркса, вброшенные в массовое сознание, представляя собой интеллектуальную модификацию христианских ценностей (известно, что Маркс хорошо знал Писание — оба его деда были раввинами). Но при этом его работы проникнуты антихристианским пафосом (особенно те, где Маркс подвергает религию жесткой и глубоко несправедливой критике). Это дает основание предполагать, что ассоциативная связь ключевых посланий марксизма с Нагорной проповедью осуществлялась целенаправленно — этот прием позволил выработать в массовом сознании резонанс марксизма и имени его творца с антропологическими основаниями Нового Завета. В социально-коммуникативном плане такой ход можно рассматривать как высокоэффективный проект брендинга, в результате которого христианские матрицы европейского мира (включая русскую интеллигенцию) откликнулись и приняли марксизм как свое, родное на глубинном, неосознаваемом уровне.

Обнаруживают себя четыре базовые ассоциации марксизма с христианством. Во-первых, религиозность уже встроена в ключевой 11-й тезис Маркса «Тезисы о Фейербахе» (который блестяще обыгрывает в своем докладе А. А. Гусейнов): «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это глубоко христианский тезис: Маркс дает свою версию начальных строк Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» — этой великой формулы Нового Завета, утверждающей онтологический статус Слова-Логоса как средства творения и преображения человека и мира. В этом тезисе Маркс, по сути, эксплуатирует духовную доминанту логоцентричной европейской культуры. Вот где надо искать истоки любви русской интеллигенции к Марксу — христианский логоцентризм, который стал ключевой матрицей православного духа русской цивилизации, почувствовал в марксизме родное и духовно близкое.

Во-вторых, христианский дух лежит в идее социальной «реабилитации» мира обездоленных и отверженных. В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило слабых, бедных, тех, кому отказали в сочувствии и кто стал «носителями новой человеческой надежды». И душа русских гуманитариев не могла не принять и не поддержать идею возвышения наиболее уязвимого в социальном плане класса — русская цивилизация всегда была «империей, открытой сердцем для нищих духом» (А. Панарин).

В-третьих, учение Маркса системно и убедительно позиционирует христианский универсализм, формула которого — в известном лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (не случайно эти строки высечены на памятнике Марксу в Москве). Пролетариат обретает вселенский характер — у него нет ни национальности, ни Отечества. Но разве не эту идею сообщает миру в своем послании апостол Павел: «Нет ни еллина, ни иудея, ни... раба, свободного, но все и во всем Христос»?

В-четвертых, христианский дух марксизма — в декларируемом принципе социальной справедливости (скорее, в ее ветхозаветной версии), которая должна утвердиться в мире в результате упразднения частной собственности на средства производства и создания условий для всестороннего развития личности.

Второй фактор исторической живучести марксизма — глубокая критика Запада, которая легла в основу «образа врага» для многих незападных стран, и прежде всего для России, у которой с Европой всегда были непростые отношения. Капитализм у Маркса ассоциируется с западной цивилизацией в целом, и борьба с капитализмом становится отрицанием институциональных и экзистенциальных основ Запада. Антикапиталистический пафос и антизападный дух марксизма, который дал существенный моральный аргумент для критики западного мира, также лежит в основе симпатий русской интеллигенции к Марксу.

Третий фактор «бессмертия» марксизма — многоликость Маркса, где у каждого «лика» своя правда, причем эти «правды» нередко взаимоисключают друг друга: в одном случае Маркс — философ (который также делится на «раннего» и «позднего»), в другом он — представитель самодовольной европейской цивилизации, не скрывающий своего презрительного отношения к другим народам и культурам. Но есть еще и «третий» Маркс, который, в свою очередь, распадается на несколько версий — в виде трактовок его наследия в марксизме, а точнее, в марксизмах: в русском, корейском, китайском, камбоджийском и т. д.

В XX веке европейским «интеллектуальным авангардом» вокруг наследия Маркса была создана целая марксистская «индустрия», которую уже не заботили дух и буква учения классика. И «лики» этого Маркса до сих пор доминируют в околонучном дискурсе, о чем свидетельствуют дискуссии последних недель на ТВ (участники которых, в том числе известные российские гуманитарии, навязчиво повторяли несостоятельные в научном плане тезисы о глубине и масштабе учения, сформулированные еще во времена коммунистического прошлого).

Ключевой тезис моего выступления — гипотеза о неизбежном закате марксизма в силу несостоятельности ключевых положений этой теоретической конструкции, а именно: а) формационной теории Маркса; б) его обоснования механизма мировой динамики в виде борьбы производительных сил и производственных отношений; в) несбывшегося прогноза относительно «человечности» посткапиталистического общества.

Первое. Очевидна методологическая несостоятельность формационной теории, которая в качестве критерия и энергии прогресса рассматривала динамику производительных сил. В реальности все не так: парадигмы технического развития задает культура. В частности, «протетеевский» дух (Ясперс) и «фаустовская» культура (Шпенглер) породили соответствующий «технологический империализм» Европы с характерным для него отношением к природе и обществу как средству, площадке для эксплуатации и извлечения прибыли. Человечество меняется в результате революций в сфере человеческого духа, и попытки понять источники и объяснить движущие силы смены цивилизаций встречаются у Н. Данилевского, О. Шпенглера, К. Ясперса, М. Вебера, А. Пелипенко и многих других. Но марксисты и сегодня навязчиво и некритично повторяют нелепости формационной теории, как будто и не было этих великих мыслителей.

Второе. Ограниченность обнаруживает марксистская трактовка механизмов мировой динамики, основу которой составляет борьба производительных сил и производственных отношений. Маркс считал, что развитие производительных сил взорвет капиталистическую оболочку — производственные отношения: «Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. ... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Однако реальность не вписывается в эту формулу. Сегодня происходит деградация «капиталистических отношений» вне связи с производительными силами. Мир переходит в новую стадию — посткапиталистическое общество (об этом — в докладах Римского клуба 2017 г. и Ялтинского цивилизационного клуба 2018-го).

Производительные отношения (в классическом виде) сегодня уничтожает, во-первых, вирус виртуальной экономики, связанной с деятельностью фиктивного капитала. Теневая и фиктивная экономика формирует химерическую модель капиталистических отношений — монстра, пожирающего самого себя, чудовище, представить которое во времена Маркса было невозможно. Возникает новая форма эксплуатации, которую создает интернациональный и оторванный от производства фиктивный, спекулятивный капитал. Он уже не желает довольствоваться традиционной прибылью 5–7 %, которую можно получить в рамках производительной экономики, а претендует на десятикратное и более увеличение (А. Панарин). Его окончательный крах неизбежен — это «виртуальное богатство» испарится в результате финансовых потрясений, которые заложены в его основу. Во-вторых, окончательная ликвидация «капиталистических отношений» (включая их инфраструктуру, которую составляют правовые и фи-

нансовые институты, обеспечивающие частную собственность и функционирование рынка) произойдет в результате самоуничтожения ключевых атрибутов классической модели производительных сил. Технологический переворот в результате начавшейся промышленной революции (основой которого является цифровая, роботизированная система производства) в недалеком будущем существенно изменит формы частности собственности, модифицирует «человеческий фактор» бизнеса, до предела минимизирует человеческое участие в системе производства. В связи с этим иллюзией выглядит марксистская идея о грядущей классовой солидарности рабочих: в результате промышленной революции человек может исчезнуть как субъект труда.

Третье. Заблуждением оказался прогноз относительно посткапиталистического общества, которое Маркс представлял «царством свободы». В основе такого «прогноза» — примитивизация труда как инструмента отчуждения и отупления человека и переоценка конструктивных возможностей досуга. Посткапиталистическое общество несет немалые риски, которые катастрофичны для культуры и человека: в глобальном масштабе происходит активное разрушение духовно-нравственной инфраструктуры человеческой цивилизации; в свои права вступила эпоха постмодерна, сохраняющая индивидуалистическую и гедонистическую парадигму модерна и при этом реабилитирующая аморальные и деструктивные девиации древних времен язычества.

Таким образом, события XX века и сегодняшние реалии свидетельствуют о теоретико-познавательной несостоятельности ключевых принципов марксистской методологии и теории: практическим опровержением и отрицанием Маркса стали русские революции 1917 года; свою несостоятельность в предсказании и объяснении кризиса советского общества обнаружила марксистская методология советского обществоведения; в прогнозы Маркса не вписываются сегодняшние реалии мира, не говоря уже о его посткапиталистических перспективах.

Марксизм не только теоретически уязвим, но и теряет нравственную легитимность: против Маркса «работают» его неоднозначные с моральной точки зрения мысли и высказывания. В частности, открытая защита «прогрессивного» капитализма, развитие которого — в интересах «господствующих народов»; жесткий европоцентризм — убежденность в том, что мировая пролетарская революция откроет дорогу большим «историческим» нациям, а другие народы, не принадлежащие к числу прогрессивных, то есть революционных, должны погибнуть в «буре мировой революции». Показателями прогрессивности народа являются его способность угнетать другие народы и «подлинная революционность», то есть не продиктованная эксплуататорской алчностью, порождающей нищету и человеческие страдания.

В текстах Маркса можно обнаружить мысли, которые нельзя трактовать иначе, как откровенный шовинизм: вышеупомянутая доктрина прогрессивных и реакционных наций, представления об избранных и отвергнутых народах. И, конечно, вызывает протест

крайне отрицательное отношение к славянам, «русским азиатам». Маркс считал Россию «хищной деспотической силой», бросающей вызов прогрессивным силам мировой цивилизации, а Российское государство — реакционным, потому что оно опирается на силы и институты, выступающие главными генераторами реакционного духа: «религию, патернализм, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию» (С. Кара-Мурза).

Мой заключительный вывод таков: концептуальная исчерпанность теоретико-познавательного метода Маркса и «моральные издержки» его творчества станут основными причинами неизбежного заката марксизма.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Хотел бы сказать несколько слов по поводу программного доклада Александра Петровича. Извините за промежуточный комментарий, но доклад был слишком дерзким. У меня двойное впечатление. Первое — я категорически не принимаю этот доклад ни в общем духе, ни в отдельных его утверждениях. И второе — я считаю его совершенно правильным. Объясню свою позицию.

Сколько ни смотри в зеркало, ты видишь там свое лицо — и больше ничего. Александр Петрович смотрел работы Маркса, но ничего другого, кроме своего лица, он там не увидел. То, что мы сегодня услышали, — общая схема мышления А. П. Маркова, которую он демонстрировал и на предыдущих заседаниях, схема, в рамках которой Данилевский, славянофилы и евразийские авторы — источник непререкаемой истины, а русская цивилизация существенно выше деградирующей западной. Эта схема мышления была подтверждена на материале анализа Маркса: профессор Марков нашел у Маркса какие-то положения, которые как бы подтверждают правоту его мышления. Хотя, например, мне бросились в глаза два взаимоисключающих тезиса: в одном месте доклада он показал, что Маркс фактически повторяет христианские истины, и можно было понять, что марксизм — это христианство нашей эпохи, представленное в брэндах и слоганах марксизма. А потом было сказано, что все наоборот — марксизм является глубоко нерелигиозным по духу учением. И такого рода утверждений в докладе было немало, их надо отдельно рассматривать.

Прав Александр Петрович вот в чем: недавно в беседе с одним выдающимся коллегой я задал ему вопрос: «Как Вы думаете, что мы потеряли вместе с марксизмом, с тем фактом, что марксизм выпал из нашего публичного дискурса?» «Мы потеряли европейскую культуру», — ответил он. И это правда. Александр Петрович нам доказал, что вместе с марксизмом мы потеряли Европу и европейскую культуру.

Кто готов продолжить обсуждение в рамках той поляризации, которая обнаружилась? Алексей Николаевич показал нам, что Маркс — это продолжение традиций просвещения, гуманизма, идеала научности. А пафос Александра Петровича совершенно противоположно-го рода.

К микрофону приглашается профессор Николай Андреевич Хренов.

Н. А. ХРЕНОВ: — Уважаемые коллеги, всем известно, что социализм в России потерпел неудачу. Как утверждал Н. Бердяев, в истории, и не только в нашей, благие начинания часто терпят фиаско. Это произошло с Ренессансом, с Французской революцией и т. д. Такая же судьба постигла и социализм. Эта неудача побуждает нас к критическому анализу марксизма, поскольку воспринимается в том числе и как поражение Маркса. Раз теорию невозможно реализовать в жизни, значит, идеи ученого ошибочны. Более того, утопичны. Но социализм в какой-то мере и был утопией. На Маркса и на марксизм можно посмотреть и с другой точки зрения.

Я сейчас выслушал блистательный доклад одного из ведущих теоретиков-культурологов Александра Петровича Маркова, в котором опровергались идеи Маркса. Александр Петрович сделал это со знанием дела, очень эмоционально. Я высоко оценил выявление им, например, религиозного комплекса в теории Маркса. Видимо, этот момент в его концепции имеет место. Ну а почему бы не прочитать Маркса критически? Но я думаю, что Александр Петрович сделал это еще и сознательно, будучи ответственным за организацию сегодняшней дискуссии. Такое талантливое ниспровержение Маркса сделано им для провоцирования дискуссии. И, конечно, в таком ниспровержении Маркса чувствуется осознание краха русского социализма. Мы ведь еще не перестали об этом размышлять. Слишком тяжелы оказались последствия революционной катастрофы.

Если посмотреть на Маркса с точки зрения конфликтологии, которой в России в последние десятилетия уделяется большое внимание, то это и будет предметом критики. У Маркса было особое понимание конфликта. Для него социальный конфликт непременно должен разрешиться с помощью революции, и никак иначе. Здесь, возможно, Александр Петрович тоже прав, улавливая у Маркса религиозный, даже апокалиптический пафос революции. Возможно также, что именно этот пафос и объясняет, почему Марксова теория соответствовала настроениям масс. По поводу конфликта есть и другие точки зрения. Например, Г. Зиммеля, который в социальном конфликте улавливал позитивное начало, способствующее развитию и совершенствованию общества. Возможно, западный мир, породив идеи Маркса, сам придерживался позиции Г. Зиммеля и потому преуспел больше.

Тут, конечно, следует сказать, что как мыслитель К. Маркс раздваивается на Маркса-политика и Маркса-философа. Что касается Маркса-политика, то этот образ во второй половине XX века в связи с катастрофой социализма в России весьма потускнел. Казалось, что Маркс скомпрометирован навсегда. Но есть еще его философская ипостась, и с этим Марксом считаются, прежде всего на Западе. Напомню в связи с этим суждение М. Хайдеггера. Великий немецкий философ XX века заметил, что лучшего определения такого философского понятия, как отчуждение, пока лучше Маркса никто не сделал. Неслучайно к ранним философским рукописям Маркса, которые впервые были напечатаны в 1960-е годы, в свое время был такой огром-

ный интерес. Ведь Марксово определение позволило советским философам участвовать в спорах об экзистенциализме.

Да, социализм в России не реализовался, но влияние Маркса было здесь очень сильным. Его идеи ассоциировались с архетипическими и даже апокалиптическими образами. Прежде всего разрушительные идеи Маркса затронули массовое сознание. Феномен «разиновщины», часто повторяющийся в российской истории, особенно во смутные времена, стал психологической основой распространения идей Маркса, а может быть, и специфического их понимания. Потому в России и произошла такая катастрофа, что Марксово учение здесь стало выражением тех комплексов, которые в российской истории были давно сформированы и с помощью Маркса оказались разбуженными. А раз эти идеи могли затронуть сознание и подсознание масс, то не исключено, что в будущем такая катастрофа тоже возможна. Она еще возможна. Возможен и «ренессанс» идей Маркса или какого-то другого мыслителя — его последователя. Я в данном случае делаю акцент не на сути идей, а на том, как они были восприняты. Все еще может вернуться. Да, кажется, уже и возвращается.

Но я хотел бы обратить внимание еще на один аспект, связанный с резонансом идей Маркса. В еще большей степени они затронули тот социальный слой, который мы называем интеллигенцией. Тут появляется тема для специального обсуждения. Почему интеллектуалов легко вовлечь в массовые движения? На этот вопрос интересно отвечала Х. Арндт, исследуя характер тоталитаризма. Как говорится, из песни слова не выкинуть. И Маркса, и марксизм из истории России XX века тоже не выкинешь. К этому еще будут возвращаться.

Вот я и подошел к теме моего доклада, посвященного Георгу Лукачу, который, несмотря на разные ситуации в судьбах марксизма в XX веке (а здесь имело место не только восторженное восприятие, но и разочарование), всю жизнь оставался программным марксистом, о чем не раз заявлял публично. Правда, следует сделать одну оговорку. Сам-то Лукач себя считал последовательным марксистом, но не все это мнение разделяли, называя его подчас «путаником» и «уклонистом».

Лукач — философ венгерского происхождения, программный марксист, никогда марксизму не изменявший и от него не отрекавшийся. Более того, Н. Бердяев писал, что это самый умный из коммунистических писателей. Любопытно, например, что Лукач с 1929 по 1945 год работал в Советском Союзе. Да, было время, когда многие западные интеллектуалы с надеждой смотрели на русский социализм. Некоторые из них охотно приезжали в Россию и жили здесь. Лукач в их числе. Он сделал замечательный вклад в разработку марксистской эстетики как научной дисциплины. Конечно, Лукач занимался не только искусством, но и общими вопросами философии. Так, в 1942 году в Москве в Институте философии он защитил докторскую диссертацию «Молодой Гегель». Публиковался в журнале «Литературный критик», который нельзя назвать официальным. Одно время Лукач даже был в Венгрии ми-

нистром культуры. Вообще считается, что он повлиял на философов так называемой Франкфуртской школы.

Но мне Лукач более всего интересен как создатель фундаментальной системы эстетики. Это очень объемный труд под названием «Своеобразие эстетического», изданный в нашей стране в середине 1980-х годов в четырех томах. В то время, как вы понимаете, нам было и не до Лукача, и не до марксизма. Мы решали проблему выживания. И, в общем, как я думаю, издание лукачевской эстетики не имело того резонанса, которого заслуживает. Что вовсе не умаляет значения этого труда. Конечно, марксистскую эстетику создавал не один Лукач. Это целая традиция, которая начинается с Плеханова и продолжается М. Лифшицем и М. Каганом. Эстетика преподавалась в высших учебных заведениях. Я, например, сдавал эстетику в институте, изучая учебник М. С. Кагана. Он так и назывался — «Лекции по марксистско-ленинской эстетике».

Вопреки убеждению многих отечественных марксистов, уверенных в том, что марксистская система эстетики уже создана и существует, Лукач утверждал, что марксистской эстетики в ее окончательном виде еще не существует. Существует только ее идея, а саму эстетику еще предстоит создать. В этом направлении он и работал, оценивая свой труд с точки зрения марксизма, а на самом деле, как мне представляется, возвращал марксистскую мысль к Гегелю, которого высоко почитал. Он много размышлял об этом философе и даже говорил, что универсализм эстетической системы Гегеля может служить образцом для любого построения эстетики. Вариант эстетики Лукача — это, пожалуй, следующее после Гегеля посвященное проблематике эстетики фундаментальное сочинение. Точнее, проблематике эстетики в ее марксистском варианте. Вполне допускаю, что к этой идее еще будут возвращаться.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Кстати, Николай Андреевич говорил, что Георг (Дьёрдь) Лукач — действительно выдающийся интеллектуал, неомарксист — с 1929 по 1945 год жил в России и работал в нашем институте старшим научным сотрудником. Это был период, когда передовые интеллектуалы Европы приезжали в Россию как в Мекку, уверенные, что здесь кипит мысль, рождается новое в жизни, в теории, в науке. Вот почему он оказался в России в конце 1920-х годов.

Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Комиссаренко.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — Мое выступление — это скорее некая рефлексия в связи с высказанными мыслями, с одной стороны, Александра Петровича Маркова, с другой — Николая Андреевича Хренова. Начав разрабатывать свою тему о взглядах Питирима Александровича Сорокина и Карла Маркса на развитие культуры, я подумала о том, что благодаря советской системе образования мы все работали с первичными трудами Карла Маркса, читали и конспектировали его труды. Можно сказать, что мое поколение вышло из «марксовской шинели».

Первое, что приходит на память для сравнения идей Карла Маркса, так это, конечно, идеи Макса Ве-

бера. Это очень удобно — сравнивать взгляды Макса и Маркса с социально-философской позиции. Но такое сравнение лежит на поверхности, поскольку многие ученые уделяли ему внимание. Поэтому от данного ракурса надо было отказываться и идти дальше, ибо сравнение этих двух мыслителей стало уже традиционным. Надо было искать того мыслителя, который, с одной стороны, был бы сопоставим с масштабом личности Маркса, а с другой — имел бы очевидно противоположные взгляды на развитие культуры. И такой ученый нашлся: Питирим Александрович Сорокин. Эти два философа жили в разное время и имели разные воззрения, и хотя Питирим Александрович увлекался в молодости марксистскими идеями, он никогда не говорил о Марксе как об ученом и не писал специальных трудов о нем. Однако теория развития культуры Сорокина была диаметрально противоположна взглядам Карла Маркса, что и указывало на актуализацию темы сравнения. Не все согласятся с тем, что личность Сорокина имеет такой же потенциал воздействия, как и Карл Маркс, но в данном случае присутствует субъективный взгляд на предложенную тему. При этом возникает правомерный вопрос: надо ли сегодня рассматривать взгляды на развитие культуры столь разных ученых? Прежде всего, это диктуется тяжелейшим чувством, которое появляется от нарушения интеллектуальной традиции России, доминирующей в отечественной культуре. Мы слишком часто «разрушаем» до основания» и быстро привыкаем отказываться от всего, чему поклонялись совсем недавно.

Конструируя новые доктрины и развивая марксизм-ленинизм 70 лет, мы поклонялись ему как культуре. Спасибо, Александр Петрович, что Вы говорите об этом сегодня. А потом мы с таким же энтузиазмом отбросим все, что не укладывается в новые матрицы. Я называю это умственными метаниями, от которых мы никак не можем освободиться. В пафосе критической мысли мы так же быстро «отбросили» идеи Карла Маркса. Об этом свидетельствует тот факт, что когда я пошла в библиотеку, чтобы взять труды Маркса, то оказалось, что доступен только «Капитал», остальное наследие было где-то в запасниках. Вы правильно говорили, Александр Петрович, что от поклонения ему мы пришли к его полному забвению. При этом возникает вопрос: почему в 1990-е годы мы вернули целый пантеон мыслителей, в том числе Питирима Александровича Сорокина, пусть и не все его труды, но все же на родину вернулось его имя и основные произведения. При этом как-то исчезли из научного оборота любые упоминания о трудах Карла Маркса.

Возвращаясь к заявленной теме выступления о сравнительном анализе взглядов на развитие культуры Карла Маркса и Питирима Сорокина, надо сказать, что трудность состояла в том, что Карл Маркс никогда не писал отдельно о развитии культуры. Его мысли о культуре как таковой можно найти в трудах на другие темы. Тем не менее следует подчеркнуть, что основная мысль заключается в том, что он рассматривает культуру лишь в виде надстройки к той или иной общественно-политической формации. Маркс отказыва-

ет культуре в самодостаточности и саморазвитии. Это необходимо признать сегодня. Его понимание развития культуры можно представить как движение от низшего к высшему. И только в коммунистическом обществе культура наконец расцветет во всей полноте и многообразии. Сорокин говорит обратное: культура не может развиваться диалектически. Действительно, Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом, рассматривая расцвет культуры в Античности, слишком просто объясняют ее величие несостоятельностью, бедностью общественных отношений. На мой взгляд, это упрощенное понимание культурных процессов. Мнение Питирима Сорокина на развитие культуры иное. Он объясняет ее развитие в зависимости от циклов: напряженные, активные циклы сменяются пассивными. Однако даже при пассивном развитии культура саморегулируется путем накопления внутренних ресурсов для следующего активного цикла. Такое волноциклическое развитие культуры свойственно всем эпохам.

Ключевой пафос моего выступления заключается в следующем. Право на существование должна иметь любая идея, даже если она не согласуется с идеями культурной политики дня нынешнего. Почему у нас философские, культурологические идеи должны обязательно отвечать на сиюминутные вызовы, а не устремляться вперед, опережая время. Однако стратегическое мышление должно быть востребовано во имя будущего. Поэтому идеи Маркса надо знать, изучать, критически анализировать и подходить к наследию прошлого не только с точки зрения востребованности «здесь и сейчас», но и с позиции временной перспективы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Полагаю, после этого выступления мы заслужили право говорить и спорить о Марксе. Предоставляю слово Петру Николаевичу Кондрашову. Тема доклада — становление учения Маркса о родовой сущности человека.

П. Н. КОНДРАШОВ: — В сегодняшней литературе речь обычно идет не о Марксе, а о марксизме. Однако в одном из писем Маркса Фридриху Энгельсу есть странная фраза: «Если эти граждане марксисты, то я не марксист». В связи с этим предлагаю обратиться к некоторым мифам.

Первый миф, распространенный как в учебниках, так и в философской и обществоведческой литературе в России и на Западе, заключается в том, что Маркса смешивают с Энгельсом. Однако надо четко разделять философа Маркса и философа Энгельса. В свое время академик Гусейнов ввел даже особый термин «энгельсизм». Да, у них были совместные работы, но Маркс в рамках своей философской системы занимался проблематикой, связанной с человеком, обществом и историей. Она имплицитна, ее надо искать в текстах, тем не менее она существует.

Другой миф состоит в том, что философия Маркса представляла собой синтез диалектического и исторического материализма и научного коммунизма. Особенно на этом настаивали авторы учебников философии в 1950–1970-х годах. На самом деле вы не найдете

у Маркса никакого диалектического материализма, он не писал на эти темы вообще.

Еще один миф: Маркс был воинствующим атеистом, как Ленин или Ярославский, призывал вешать священников, взрывать церкви и т. п. Это тоже неправда. Вы, как культурологи, должны оценить два высказывания Маркса о религии: «Религия — это вздох угнетенной твари» и «это сердце бессердечного мира». Здесь Маркс атеист, он говорит «сердце», но он употребляет немецкое слово Gemüt — «душа». Так вот, Маркс никогда не был атеистом, тем более воинствующим.

Следующий миф связан с неточностью некоторых переводов. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс якобы пишет, что «родовая жизнь есть производственная жизнь». Однако он считал иначе, а именно: родовая жизнь человека есть его продуктивная, творческая свободная жизнь.

Еще один миф, который я сейчас попытаюсь развеять. В свое время, особенно в СССР до середины 1950-х годов, считалось, что в трудах Маркса нет никакой философской антропологии, а свои философско-антропологические идеи он изложил лишь в ранних работах до Манифеста Коммунистической партии. Однако Маркс занимался проблемами человека и в течение всей жизни, начиная с 17-летнего возраста исследовал вопрос, в чем заключается сущность человека. Теории Маркса о сущности человека можно разделить на три раздела. В ранних работах он обычно определяет сущность человека в статической форме, в работах среднего периода — динамически, и в «Капитале» синтезирует статические и динамические определения. В 1843 году Маркс пишет, что сущность человека есть истинная общность людей. Далее, в 1844 году, он определяет родовую сущность как праксис — концепт, означающий свободную и продуктивную деятельность, о которой он писал чуть позже. Маркс говорит, что родовая сущность человека не есть абстракт, а есть ансамбль общественных отношений. В 1847 году он буквально пишет следующее: «Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы». В 1858 году Маркс пишет, что родовая сущность человека есть итог развития всего человечества. А в 1867 году в «Капитале» объединяет статическую и динамическую позицию: «Надо знать, что такое есть сущность человека вообще, и то, как она себя модифицирует в различной исторической эпохе». Это означает, что сущность человека есть праксис, деятельность, которая свойственна всем людям — и первобытным, и современным, и людям будущего.

Однако, преобразуя мир, человек, естественно, преобразует и самого себя. Эта деятельность всегда погружена в различные исторические, климатические и иные условия. Да, все люди одинаковы в том смысле, что обладают единой суетной родовой сущностью как деятельностью, праксисом, но все мы различаемся тем, что живем в разные исторические эпохи в разных географических и других условиях.

В заключение попытаюсь показать, какое место занимает философская антропология Маркса в истории философской антропологии. Жан-Поль Сартр в свое время выдвинул теорию, что существуют две генераль-

ные концепции сущности человека. Одну он назвал эссенциализмом, другую — экзистенциализмом. Сущность эссенциализма заключается в том, что эссенция (сущность) предшествует существованию, то есть некоторое существо рождается с уже определенной сущностью. Экзистенциализм же утверждает обратное: экзистенция (существование) предшествует сущности — эссенции. Сначала мы рождаемся, и только процессе своей жизнедеятельности обретаем то, чем становимся. Так вот, теория Маркса, с моей точки зрения, является синтезом экзистенциализма и эссенциализма. Эссенциальная сторона — это то, что все мы обладаем праксисом, а экзистенциальная заключается в том, что каждый из нас оказывается в индивидуальной исторической, биографической, биологической и иной ситуации. Поэтому Марксова теория человека синтетична: у всего человечества есть общая сущность, но все мы индивидуальны и уникальны. Надо читать самого Маркса.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Юрию Дмитриевичу Гранину. Тема его выступления — «Концептуализация через коммунизм в творчестве Маркса».

Ю. Д. ГРАНИН: — Уважаемые коллеги, я хочу поддержать предыдущего докладчика, который обратил внимание на то, что существует много мифов о Марксе. Эти мифы часто можно услышать не только с телевизионных экранов, но и в академической среде. Наиболее распространенный миф, о котором пока не шла речь, — характеристика коммунистического проекта Маркса как деспотической, антигуманной утопии.

Здесь любопытно даже не «ирония судьбы»: то, за что некогда Маркс критиковал идеологов социализма и коммунизма, теперь инкриминируют ему самому. Но аргументов для такой оценки явно недостаточно, чего авторы, судя по всему, не замечают. Ибо сплошь и рядом смешивают проблему истинности доктрины и созданного на ее основе прогноза с проблемой их научности. Да, всемирная история во многом (но не во всем!) разошлась с прогнозом Маркса, и его замысел грядущего общественного устройства так и не был нигде осуществлен. Но при чем здесь утопизм? Ведь утопичность любой концепции устройства общества состоит отнюдь не в кажущейся неточности и нереализуемости, а в самом способе продуцирования, суть которого — произвольное конструирование образа идеального социума. То есть это такое конструирование, где образ желаемого будущего подчиняет себе процедуры строгого анализа тенденций развития современности. А уж в произволе мышления, в отсутствии аналитизма Маркса никак нельзя упрекнуть. Кроме того, вы не найдете ни одной теории, тем более теории социальной, которая полностью подтверждалась бы практикой. А это важно.

Не менее важно и другое: начиная как философ и будучи им, Маркс впоследствии встал на стезю современной ему науки. И конечно, его философское творчество никак нельзя отнести к области религиозно-

окрашенных размышлений. Ранний Маркс был младогегельянцем, затем последователем Фейербаха, то есть критиком христианского мировоззрения. Но одновременно он выступил и как критик современной ему философии истории, основанной на постулате о первичности «идей». Не случайно 11-й тезис Маркса о Фейербахе гласит: «Философы различным образом объясняли мир, задача состоит в том, чтобы изменить его». То есть здесь и речи нет о первичности «слова», как утверждает Александр Петрович, а говорится о необходимости изменения мира не «словом», а «делом», то есть практикой.

А. П. МАРКОВ: — Маркс говорил об изменении реальности не практикой, не лопатой, не топором и ружьем, а Логосом, Словом, способным творить этот мир. Философы не умеют и не имеют права копать землю и строить баррикады. У них другая миссия. Но именно таков онтологический статус Слова в упомянутых мною строчках Евангелия от Иоанна.

Ю. Д. ГРАНИН: — Да, конечно. Их миссия (его и Энгельса), полагал Маркс, состоит в критике современных им объяснений движущих сил человеческой истории, суть которых как раз и заключалась в акцентировании внимания на приоритете «слова», то есть «идей» и «социальных концепций», которые будто бы сами по себе способны изменить существующий социальный порядок. Маркс с этим не согласен. Для этого, справедливо считает он, нужны субъекты исторических изменений. Он полагает, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами — реальными субъектами исторического процесса, изменяющими действительность в процессе материального и духовного производства. Совокупная деятельность объединенных в большие социальные группы людей (классы), отстаивающих свои интересы, интерпретируется Марксом как «практика», в ходе реализации которой естественно-историческим образом возникают новые формы социальной жизни. Но они возникают только тогда, когда появляются субъекты исторических изменений, готовые, не щадя собственной жизни, революционным путем свергнуть существующий общественный строй.

Таким новым классом, полагал Маркс, является пролетариат. Все социальные революции до его появления были частичными: менялся политический строй, но никогда дело не доходило до «социальной эмансипации» — устранения частной собственности. Именно пролетариат — тот класс, который может осуществить «радикальную революцию» и «общечеловеческую эмансипацию». Способность этого класса на радикальный освободительный прорыв в будущее гарантирована, по мнению Маркса, его объективным положением: это класс гражданского общества, который, по сути, уже не есть класс гражданского общества. Это класс, скованный «радикальными цепями» и «универсальным страданием». Его появление возмущает фактическое разложение существующего миропорядка. Требуя «отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возве-

ло в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества».

Надо заметить, что Маркс и Энгельс идеализировали современный им пролетариат. В лице Парижской коммуны они идеализировали также «пролетарскую революцию», не замечая многих ее негативных черт и последствий. Для ученого, каковым себя считал Маркс, это было довольно странно. Еще более странным было то, что проект будущего коммунистического устройства на протяжении десятилетий не претерпел в марксизме каких-либо существенных изменений. Невзирая на прижизненную критику выдающихся современников, несмотря на то что последняя четверть XIX столетия демонстрировала бурный рост индустриального капитализма, успехи профсоюзного движения, возможности снятия социальной напряженности нереволуционными средствами, программа революционного перехода к коммунизму через «диктатуру пролетариата» и проект его построения остались без существенных корректив.

Чем объяснить такую поразительную устойчивость? Во-первых, надо понимать, что «коммунизм» для Маркса — это не коммунизм в «отдельно взятой стране», а «обобществившееся человечество», и возможен этот коммунизм в далеком будущем и в мировом масштабе. Это то, чего никак не мог понять и принять Ленин. Во-вторых, одно из возможных объяснений состоит в универсализме и «внутреннем совершенстве» общенсторической концепции марксизма. Это означает, что решающим условием убежденности Маркса и Энгельса в истинности их теоретической интерпретации общественного развития и его перспектив была, по-видимому, не столько эмпирическая обоснованность, сколько «внутреннее совершенство» самой концепции: соответствие собственным основаниям, то есть изначально данной в философской онтологии общей теоретической модели («картине») социального мира и принятым в то время эталонам научности. Критерий научности теории по Марксу состоит в ее способности выразить ту практику, которая презентует ведущую тенденцию (закон) истории. А так как эта тенденция уже обоснована в самой марксистской концепции всемирной истории, в философские основания которой входит идея свободы как общечеловеческой ценности, то истинность и научность теории гарантируются в конечном счете ее самосогласованностью (когерентностью).

Отмечу, что когерентная концепция истины и принцип соответствия социальной теории своим основаниям, а последних — общечеловеческим ценностям (носителем которых у Маркса выступает пролетариат) имеют большое значение для обществознания уже потому, что в каждом отдельном случае мы не имеем (и никогда не будем иметь) ни времени, ни возможности для строгой экспериментальной проверки теоретических положений. Более того, строгое экспериментальное подтверждение правильности долгосрочного прогноза невозможно и по некоторым методологическим соображениям, в частности из-за того, что фундаментальный для современного естествознания по-

стутат о воспроизводимости эксперимента неприменим при познании общественных явлений. Дело в том, что этот постулат базируется на онтологическом допущении неизменности законов природы, в то время как специфика социальной действительности состоит в перманентной изменчивости и формы осуществления, и содержания социальных закономерностей, что, по мнению специалистов, существенно ограничивает средства эмпирического оправдания и экспериментальной проверки социальных теорий и прогнозов.

Единой для всего человечества общецивилизационной практики нет, вместо нее наличествует разнообразие культурно-исторических и, главное, незавершенных «опытов», когда мы не можем надежно, то есть экспериментально, определить меру истинности (ложности) выводов теоретика. В этих условиях целостность и самосогласованность социальной теории есть одна из необходимых гарантий ее научности. И это относится не только к общеисторической концепции Маркса, но и ко всем «всеохватывающим» теориям социогуманитарного цикла. Все они принципиально неточны, эмпирически строго не обоснованы, да и построены в большой мере гипотетико-дедуктивным способом. Таковой была и остается общесоциологическая концепция Маркса.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Профессор Владимир Александрович Конев, Вам слово.

В. А. КОНЕВ: — Карл Маркс невероятно масштабен, и можно выделить много разных аспектов, изучая его наследие. Мишель Фуко, известнейший французский философ, сказал, что есть две фигуры, которые определяют интеллектуальное (и не только) развитие в XX веке, — Маркс и Фрейд. Без их учений ничего нельзя понять из происходящего в XX веке. Конечно, Маркс прежде всего ученый-политэконом, но его политэкономическое учение, на мой взгляд, есть чисто философская конструкция. Философия, начиная с Канта, существует только как критическая философия, для Канта это критика оснований действия разума. Маркс же создает другой тип критики. Вспомните, как называется его главный труд: «Капитал», а подзаголовок — «Критика политической экономии». И вся работа Маркса — это выявление оснований человеческого поведения и сознания. Маркс показал, что сознание не суверенно, оно зависит от условий, в которых действует. Фрейд также считал, что индивидуальное сознание не суверенно, вот почему Фуко поставил их в один ряд.

Маркса часто упрекают в том, что он создал такую теорию, которая не подтверждается действительностью. Маркс говорил о капитализме одно, а мы видим совсем другое. Оправдывая Маркса, его сторонники возражают: несовпадение возникает оттого, что никакая теория не в состоянии описать действительность с исчерпывающей точностью. Но теория Маркса не совпадает с капиталистической действительностью, современной нам, потому что эта теория повлияла на действия людей. Капитализм, который мы видим сейчас, стал возможен благодаря Марксу.

На мой взгляд, главное достижение Маркса заключается в том, что он показал: в истории, несмотря на всю ту свободу, которой обладает человек, существуют некие закономерности, она обуславливается определенными ситуациями, а главное — тем, что человек всегда попадает в ситуацию, которая заставляет его действовать определенным образом.

Петр Николаевич говорил о том, что такое человек по Марксу. Да, человек вырастает из действительности вокруг него. Человека конституирует цивилизация, культурная и социальная действительность. Вчера на пленарном заседании красной нитью проходила мысль, что сейчас мы живем в турбулентном мире, где все меняется, идут процессы, заставляющие человека растерянно и недоуменно оглядываться вокруг.

Но давайте посмотрим, что именно меняется. Чем был человек раньше? Личность формировалась той культурой и обществом, в котором он жил. Что было главным в том типе существования? Если свести ответ к одной фразе, то это, на мой взгляд, будет мудрость Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать». Культура Просвещения! Будут знания — будет счастье и свобода, потому что свобода — это осознанная необходимость. Будешь знать — будешь уметь. И это знание было в книгах. В каждом доме была библиотека.

А что сейчас? Сформировался мир «Фейсбука». Это же тоже книга, но книга лиц, книга присутствия. Галактика Гутенберга сменилась галактикой Цукерберга. Это другая действительность, новый мир, предъявляющий новые требования к человеку.

Современная культура — это культура не представлений о чем-то, что существует где-то вне человека, не зависит от него и требует познания, а это культура, которая требует от человека присутствия в этом мире, здесь и сейчас, и ответственности за свое присутствие.

Михаил Михайлович Бахтин выразил это философским термином «не-алиби в бытии»: я не могу сказать, что меня не было в бытии, я всегда здесь, и я за это отвечаю. Если угодно, это модификация чистого марксизма в XXI веке, который был философией действия. Направленность деятельности современной культуры выстраивается так, чтобы постоянно ставить человека в ситуацию присутствия, где он вынужден заявить себя и выбрать адекватное данной ситуации поведение. Поскольку ситуации всегда конкретны, всегда чем-то различаются, то поведение человека не может строиться на основе устоявшихся норм, трафаретов. Оно требует гибких алгоритмов, изобретательности, инноваций, проникновения в смысл данной ситуации, понимания данной ситуации как точки здесь-и-сейчас, где сходятся в это мгновение все силы мира. Конкретность ситуации (окружения) ставит перед действием вопрос не «что?», а «как?». Индивидуальность как характеристика личности, а также уникальность, оригинальность как характеристика произведений культуры приобретают статус ценности в культуре присутствия.

Становление ценности индивидуальности в современной культуре открывает ее исторический смысл. Культура присутствия должна быть понята как реали-

зация нового варианта культуры модерна. Это не то, что принято называть постмодерном. Постмодернизм возник как определенное стилевое направление, отставшее от «чистоты» стиля, — это мозаичность стиля. Современный этап развития европейской культуры (а российская культура является ее национальной формой) начался не с появления постмодернистских произведений, а гораздо раньше. Становление современного состояния культуры, которая модифицирует идею частного интереса человека культуры модерна в идею личностного, индивидуального устремления человека культуры нового модерна, происходит в форме новой культурной революции, которая подобна новоевропейской революции, утвердившей культуру модерна.

Первый шаг новой культурной революции — возрождение идеи свободы человека, не скованного никакими ограничениями. Эту идею свободы разрабатывает Фридрих Ницше, она получила свою реализацию в искусстве авангарда начала XX века. Новая культурная революция знает и свою Реформацию, которая должна расшатать изнутри прежде господствовавшую культурную доминанту. Доминантой культуры Просвещения была наука, идея единой истины, поэтому именно в науке должно было появиться сомнение в возможности единственной истины. И это произошло. Теория относительности и квантовая физика демонстрируют, что единой истины нет, сама наука показала: то, что логично для макромира, оказывается не логично для мира элементарных частиц. Физики начала XX века выступили не просто реформаторами науки, но реформаторами самой сферы сознания, что было подхвачено искусством и литературой. Не случайно художники и писатели той эпохи постоянно ссылаются на достижения новой физики.

Что же станет третьим шагом утверждения культуры нового модерна? Какая институция или сфера культуры возьмет на себя ответственность за утверждение индивидуальности как новой ценности, как доминанты новой культуры? Свобода — вот поле утверждения личностного своеобразия. Культура первого модерна (культура Просвещения) открыла свободу как осознание и осмысленное использование необходимости. Для культуры нового модерна свобода — это вызов, призыв к испытанию себя. Опыт свободы приобретает тогда, когда человек ставит свои действия в отношении к пределу, к преодолению границ как испытанию своих возможностей и способностей. Для нового варианта культуры модерна — для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия — ответ на вызов свободы укоренен в том опыте свободы, которым владеет человек. Как тут не вспомнить слова Маркса: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляет Илье Игоревичу Докучаеву, который сообщит нам о специфике марксистской концепции исторической типологии культур.

И. И. ДОКУЧАЕВ: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы поговорить об одной из двух составляющих нашей сегодняшней темы, а именно о том, какую роль марксизм сыграл в современной культуре. Выступление Владимира Александровича как раз о том, что марксизм сыграл конструктивную роль в собственном преодолении и формировании современной культуры. Но у марксизма есть и другая сторона, вполне традиционная — не перформативная, а дескриптивная. Речь идет о том, что марксизм позволяет описывать в современной культуре. Мы чаще всего обращаемся именно к этому значению марксизма — как совокупности концептов, посредством которых описываем наше прошлое и смотрим, насколько марксизм был адекватен в своих претензиях на то, чтобы описать будущее.

И здесь мы обнаруживаем, что марксизм все же не вполне адекватен в своих претензиях на описание как прошлого, так и будущего. Но можем ли мы при этом сказать, что он совершенно не адекватен? Помоему, ответ будет отрицательным. Неадекватность марксизма, наверное, связана с таким ключевым свойством классической науки XIX — начала XX века, как монистический редукционизм. Это попытка найти некое «архэ» — первый элемент наподобие воды Фалеса, но только в историческом процессе, и с его помощью объяснить всю сложную динамику истории человека, общества, культуры, объяснить не только динамику, но и содержание каждого из этапов истории.

Мы можем много спорить о том, какова на самом деле концептуальная структура марксизма, но Маркс — сложный философ, писавший на протяжении длительного периода, — менялся с годами. Я воспользуюсь фразой самого Маркса, который попытался сформулировать эту квинтэссенцию в виде итога своих воззрений и главного вклада в науку и философию: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».

Говоря о марксизме и культуре, эту цитату необходимо помнить, потому что здесь выстраивается такая иерархия производных и производящих, которую необходимо учитывать, описывая историческую динамику и каждый культурно-исторический тип. В основе лежит уровень производительных сил, к которым относятся средства производства и люди, использующие их в процессе производства. Термин «соответствуют» предполагает все же некоторую зависимость, в которой есть первичная и вторичная составляющие. Так вот, над всем этим в качестве производного находятся производственные отношения, а внутри них, в свою очередь, — двухуровневая структура: базис и надстройка. Базис — это собственно экономические отношения, а надстройка — их юридическое и политическое оформление. А немного в стороне вырисовыва-

ются формы общественного сознания, к которым относятся наука, религия и искусство — знаменитая триада из «Философии духа» Гегеля. Если мы спросим сейчас, что же из всего этого относится к культуре, понимая культуру как весь тот искусственный мир, который создан человеком, то очевидно, что к культуре относятся прежде всего производительные силы (то, что мы можем назвать материальной культурой), а также формы общественного сознания (духовная культура).

В сегодняшней терминологии, которая присутствует, наверное, в 100 % учебников по культурологии, мы почти не заметим марксистского подхода, как и ведущей, фундаментальной роли производительных сил, на которую указывал Маркс. И здесь я должен согласиться с профессором Марковым, что и важнейшая идея Маркса должна быть пересмотрена в этом своем фундаментальном статусе. Вместе с тем я не согласен, что она должна быть напрочь отвергнута и что она вообще ничего не объясняет. Если мы вчитаемся в содержание этих терминов, то увидим, что часть из них в значительной мере связана с марксистским описанием истории. Прежде всего это касается так называемой традиционной культуры. Чем глубже в историю, тем лучше марксизм объясняет жизнь. И чем дальше мы от архаики, от первобытности, от традиционной культуры, чем ближе к капитализму и нашим дням, тем хуже, с моей точки зрения, работает марксизм. Но если рассуждать в терминах Возрождения, Просвещения, романтизма, позитивизма, то здесь, конечно, марксизм не в состоянии предложить нам инструмент для понимания смысла этих терминов. Хотя известны концепции, где это сделано, и одна из самых монструозных, с моей точки зрения, — концепция, в которой Алексей Федорович Лосев пытался увязать марксизм и неоплатонизм, создав свои конструкции античной культуры.

Мы понимаем, что динамика производительных сил — решающий фактор в объяснении истории культуры, но монизм и редукционизм здесь неприемлемы. Поэтому различные авторы его дополняют, начиная с Макса Вебера, который пытался в качестве важнейшего фактора, объясняющего динамику и содержание культурно-исторических типов, привлечь этику и религиозные ценности. Вебер написал замечательную серию работ, которая так и осталась незавершенной, — «Хозяйственная этика мировых религий», где, по сути, дополнил ценностным критерием марксистские представления о производительных силах. Наконец, в XX веке становится понятно, что динамика производительных сил не может быть описана так спонтанно, как она представлена в марксизме, и благодаря науке она приобретает целеустремленный и оформленный характер. Наука становится важнейшим производственным фактором и формой производительных сил.

В связи с этим необходимо, на мой взгляд, вспомнить замечательную работу Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество». Ее часто критикуют, но там масса интересных идей, связанных с ролью марксизма в объяснении современной культуры и общества. В книге огромное количество цитат из Маркса, показывающих, насколько он недооценивал роль науки

в динамике производительных сил, помещая ее в «надстройку». Сегодня понятно, что наука является решающим фактором, а не тем, что имел в виду Маркс, когда объяснял историю.

Наверное, сегодня было бы неправомерно использовать монистические конструкции для описания исторического процесса. Однако скажу несколько слов в защиту Маркса. Немонистическая научная конструкция представляет собой комбинацию, которую в современной философии и науке называют совокупностью гипотез. Например, когда появляются противоречащие теории факты, то привлекаются дополнительные гипотезы, которые увязывают одно с другим. И когда мы рассматриваем концепции Маркса на базе различных теорий и позитивистских концепций, то, наверное, утрачиваем научный пафос марксизма, который стремился найти единый принцип для описания истории. Именно в этом пафосе — ценность и важнейший реабилитирующий фактор марксизма.

В. А. КОНЕВ: — Можно небольшую реплику? У Маркса вообще сложное отношение к термину «культура». В предметном указателе к 39-томному собранию сочинений Маркса и Энгельса слово «культура» употребляется считанное число раз. Это значит, что понятие культуры не имело для них теоретического смысла. Маркс считал важным понятие «общественно-экономическая формация» — вот что он считал социальным организмом. А начиная с ученика Канта Гердера, впервые представившего историю культуры, культура становится практически тождественна обществу. В западной истории термин «культура» выполнял ту функцию, которая в марксистской концепции отдана «общественно-экономической формации».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Владимир Александрович, за интересное наблюдение. Действительно, что означает «культура» именно в концепции собственной теории Маркса? Это тема, заслуживающая отдельного обсуждения.

Несколько замечаний относительно выступления Ильи Игоревича. Во-первых, то, что наука становится непосредственной производительной силой, — это тезис Маркса. Во-вторых, в связи с наблюдением, что схема исторического материализма подходит к ранним стадиям развития общества, но начиная с Нового времени не работает, хотел бы обратить внимание на одно соответствие. Характеризуя современную культуру, мы часто употребляем термин «массовая культура», а говоря об экономике и производственных отношениях, используем словосочетание «потребительское общество». По-моему, очевидна связь между этими понятиями, которые, однако, укладываются в схему исторического материализма.

А теперь я предоставляю слово Владимиру Михайловичу Капицыну. Тема сообщения — марксизм и проблемы этатогенеза.

В. М. КАПИЦЫН: — Я остановлюсь на тех составляющих марксистской теории, которые связаны с вопросами развития государства и общества. По мне-

нию некоторых философов и политологов, Маркс уделял этой сфере меньше внимания, чем философской и экономической, но это не совсем так — достаточно вспомнить его работы «Критика Готской программы», «К критике гегелевской философии права», «Манифест Коммунистической партии» (в соавт. с Ф. Энгельсом), «Гражданская война во Франции», «Капитал» и др.

Чтобы охарактеризовать вклад К. Маркса в развитие учения о политике и государстве, приведу следующие тезисы. Первый тезис: марксизм — это системное учение. Не случайно в советское время он изучался экономистами, философами, историками, теоретиками научного коммунизма, специалистами по этике, эстетике, теории познания, антропологии и др. Опираясь на философскими, экономическими, политическими понятиями, они вырабатывали совместные подходы. Это было продуктивно, поскольку различные аспекты марксизма дополняли друг друга и обогащали учение в целом.

Такой подход наблюдается во многих произведениях самого Маркса, в том числе в «Капитале», «Экономическо-философских рукописях 1844 года», «Критике Готской программы», в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Рассматривая явления и процессы с точки зрения философа, Маркс развивал политэкономический подход к исследованию общества и государства, что отразилось и в учении исторического материализма. При рассмотрении политических и государственных аспектов Маркс прежде всего вскрывал социальные противоречия и их отражение в политике, не отходя при этом и от понимания человека, в том числе человека в политике. Например, в письме к А. Руге (май 1843 г.) он переходит от политических аспектов демократии к пониманию человека («человеческому миру демократии»), а в работе «К критике гегелевской философии права» связывает демократию с социальными аспектами, «самоопределением народа».

В современных условиях при подготовке политологов и социологов важно, чтобы они изучали именно такой подход к исследованию политики и государства. Студенты и аспиранты могут и должны изучать эти вопросы в их взаимосвязи, осваивая курсы, связанные с политэкономией, экономической теорией, культурой, искусством, литературой.

В дополнение к первому тезису отмечу еще один момент. Когда мы говорим о марксистском учении как о системе, необходимо упомянуть о взаимном обогащении отдельных направлений этого учения благодаря творческому развитию идей Маркса последующими поколениями марксистов. Добавлю, что отделять вклад Энгельса от вклада Маркса необходимо, но при этом нужно учитывать, что они теоретически и духовно дополняли и взаимно обогащали друг друга. Так, Маркс интерпретировал, в частности, работу Энгельса «Крестьянская война в Германии». Благодаря Энгельсу вышли 2-й и 3-й тома «Капитала».

Из вышесказанного следует второй тезис. В марксизме достаточно подробно освещено взаимовлияние социальной жизни (социогенеза), политики (политогенеза) и государствообразования (этамогенеза). Соотношение социогенеза, политогенеза и этамогенеза было раскрыто Ф. Энгельсом при изучении истории древних

греков, римлян и германцев, а также народов Месопотамии, норманнов, индейцев Северной и Южной Америки и др. Он делает вывод об универсальности существенных перемен в развитии родового строя и в создании государственных форм организации общественной жизни. Особенно интересен у Энгельса анализ политических переходных форм (вождейств, городов-государств, ранних государств).

Процессы социогенеза, политогенеза и этамогенеза не располагаются в некой последовательности, они происходят параллельно и взаимно влияют друг на друга. Государство влияет на политику и общество, они, в свою очередь, оказывают на него обратное воздействие. Именно так К. Маркс и Ф. Энгельс смотрели на общество, когда отмечали обратное влияние надстроечных явлений — политики, морали, государства, науки — на экономику и социальную сферу.

Впоследствии Толкотт Парсонс, один из трех великих социологов наряду с Марксом и Дюркгеймом, выделил в качестве ядра социогенеза функции «сохранения образца институционализированной культуры на уровне ценностей и интеграции», роль которых возрастает в связи с демографическими факторами, расширением контролируемых территорий и народов.

Социогенез — это система взаимодействия людей. Люди живут вместе, ведут совместную хозяйственную деятельность, создают семьи, растят детей. В процессе совместных действий происходит формирование и изменение коллективов людей, они приспособляют природные факторы для своих нужд, создавая что-то необходимое сначала для выживания, а потом для налаженной стабильной жизни. Если говорить о культуре, то в процессе социогенеза возникают условия для создания общественных ценностей: это этические принципы, символы, божества. Благодаря этим единым для всех ценностям общество консолидируется, разрешаются конфликты между отдельными группами.

Диффузная матрица социогенеза, содержащая функции сохранения образца и интеграции, порождает политогенез, а затем и этамогенез. Как в прошлом, так и в настоящем, политика одних сообществ приводит к возникновению государства, а других — к разрушению государственных основ. Вместе с тем разные сообщества то помогают друг другу создавать государства, то, наоборот, разрушают и завоевывают друг друга.

Этамогенез — зарождение и становление институтов и символов, воплощающих у разных народов определенный универсальный генокод в культурно обусловленной интеграции социально-территориальных сообществ, достигающих состояний целостных политий с устойчивой властной иерархией, способной поддерживать как внешний баланс сил между политиями, так и легитимное господство политических элит в конкретных сообществах.

Третий тезис: марксизм дает свое понимание государства, трактовку политической жизни как посредника между социогенезом и этамогенезом, повседневной жизнью людей и деятельностью государства. Ее можно рассмотреть как некий резервуар, который наполняют

сигналы общества — например, сигналы недовольства тех или иных социальных групп. Все, чем люди недовольны, они переносят с помощью различных механизмов, в том числе, как, например, сейчас, социальных сетей, в этот резервуар. Через него усиленные сигналы влияют на «структуры» (государство и государственную политику). Точно так же государственная политика, реагируя на поступающие сигналы, через политическую жизнь воздействует на повседневную жизнь общества.

Таким образом, марксизм открыл универсальный код этатогенеза и политики, связанный с балансом сил в обществе и интересами социальных групп и опирающийся на вертикаль власти. Именно благодаря ему общество как система, возглавляемая государством, может и противостоять внешним силам, и обеспечивать так называемое устойчивое неравновесие сил и интересов элиты и масс внутри самого общества. Важнейший признак этатогенеза — регуляторы «отложенного насилия», которые, как правило, парадоксальным образом обеспечивают баланс сил. Это, во-первых, баланс между противодействующими политиями (сообществами, государствами); во-вторых, поддержание устойчивой легитимной асимметрии интересов внутри этатизирующейся политии («устойчивое неравновесие интересов» элиты и масс), защищаемой специальным аппаратом и законом. И благодаря такому функциональному подходу к государствообразованию (этатогенезу), проявленному в марксизме, можно находить ответы на ряд вопросов.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Ирине Викторовне Малыгиной. Тема доклада — «Экономическое обоснование посткультуры».

И. В. МАЛЫГИНА: — Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые студенты. Я постараюсь объяснить присутствующим здесь студентам, почему им стоит изучать сегодня Маркса, который, как я понимаю, в большинстве учебных программ остается «фигурой умолчания». Вы можете спросить, зачем вам это нужно, если ученые никак не могут договориться между собой: марксизм — это хорошо или плохо?

Прежде всего, чтобы вас успокоить, скажу, что в истории передовой человеческой мысли отнюдь не только учение Маркса вызывало такую обширную палитру неоднозначных оценок. Сегодня уже проводили параллели между Марксом и Платоном. А Платона очень серьезно критиковали. Граф Петр Алексеевич Кропоткин сказал: «Платон создал модель тоталитарного государства. Это плод дряхлеющего ума». А Курт Хюбнер, немецкий философ, историк, сказал: «Платона надо читать: а) в оригинале и б) между строк. Если вы разглядите вторые, третьи смыслы, то поймете, что на самом деле никакой серьезной теории он не пытался создать». Это всего лишь то, что позднее стали называть «утопия», как, например, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы.

Я не имею в виду, что Маркс тоже создавал некую утопию, но, скорее всего, он не рассчитывал на такую мощную реакцию. Он вряд ли ожидал, что его учение

возведут в статус универсальной, всеобъемлющей объяснительной парадигмы.

Профессор Гусейнов совершенно справедливо отметил, что в свое время мы изучали марксизм как догму. Вашему поколению марксизм, вероятно, преподносится как фигура речи, как миф, который, впрочем, больше ничего не объясняет. Марксизм исключен из учебных программ и пособий и практически не востребован сегодня отечественным научным дискурсом. Есть ли шанс его вернуть, и главное, нужно ли это делать? Насколько он адекватен современному этапу экономического и культурного развития общества, насколько востребован современными поколениями интеллектуалов и способен ли вызвать к жизни новое поколение марксистов?

Вчера на пленарном заседании прозвучала мысль о том, что в цифровую эру только с помощью цифровых технологий можно дать ответы на вызовы современного мира. В каком-то смысле это, видимо, так. Но и издержки «цифровой революции» становятся все более очевидными. С одной стороны, каждый из вас сегодня легко может стать условным «марксистом» или обладателем этого знания, по крайней мере его базовых положений. В условиях цифровой культуры потребитель знания (а это прежде всего вы — поколение, которое сформировалось в контексте цифровой реальности, молодые люди, получившие в современной теории поколений непритязательную и малоговорящую маркировку «Y» или «Z») и производитель знания (ученый, философ) оказываются практически равными друг другу в обладании этим знанием.

Прошу простить это намеренное упрощение, но такая проблема действительно есть. Ведь для того, чтобы овладеть знанием, уже не обязательно совершать череду трудоемких мыслительных процедур. Этот процесс для «игреков» и «зетов» становится обременительным. Ведь можно просто присвоить знание в готовом виде с помощью гаджета или, проще говоря, скачать. Знание становится побочным и необязательным продуктом информационного обмена. Ваша задача — вновь развернуть эту свернувшуюся до размеров точки спираль. Уже Анри Лефевр, один из самых ярких представителей французского неомарксизма, сетовал по поводу того, что Маркс доходит до нас через марксизм, иными словами, через проинтерпретированные тексты, хотя и отобранные «с чистой совестью и благими намерениями».

Но при всей противоречивости интерпретаций отдельных аспектов марксизма его «общим местом» стало обоснование экономической детерминированности культуры и культурной динамики. И, что еще важнее, поиск возможностей ее преодоления. Благодаря этому становится понятно, зачем вам сегодня Маркс и марксизм. Дело в том, что в российском научном и публицистическом дискурсах последних десятилетий лингвистический и социокультурный конструкт «культура–экономика» все чаще используется для описания серьезных сдвигов, которые произошли в представлениях о статусе и «социальной полезности» культуры в постмарксистскую, «постистматовскую» эпоху российской истории.

Для постперестроечной России эти изменения оказались наиболее чувствительными: в условиях новой (и неожиданной) для России рыночной экономики культура была объявлена товаром или услугой. Ценность культуры, прежде осознаваемая почти на сакральном уровне, оказалась легко конвертируемой в денежный эквивалент. И если массовое сознание с новой экономической реальностью примирилось достаточно быстро, то в научном гуманитарном знании эти изменения до сих пор еще не осмыслены в полной мере.

И дело не в том, что своеобразный «экономический поворот» в описании и конструировании культурной реальности остался не замеченным отечественными гуманитариями. Просто философы и культурологи неохотно говорят о культуре в терминах экономической целесообразности. Но пока философы, теоретики и практики культуры продолжали защищать право культуры на свободу от любого рода «экономических обременений», западные и отечественные экономисты уверенно осваивали новое для себя пространство приложения сил, оттачивали экономические теории и маркетинговые технологии. В концепциях западных экономистов подобные усилия были зафиксированы как новый экономический переход от экономики услуг к «экономике впечатлений» (в отечественных исследованиях — «экономика желаний»). Смысл новой экономической парадигмы заключается в том, что впечатление признается «отдельным экономическим предложением» и рассматривается как условие экономического государственного развития и роста благосостояния населения на ближайшее будущее. Такова логика западных экономистов.

Аргументация отечественных экономистов близка по смыслу: в ситуации перенасыщения потребительских рынков дефицитом оказываются только желания, которые необходимо стимулировать, реализовывать, а затем конвертировать в деньги. «Экономика желаний» ориентирована именно на культуру, а ее основные принципы и технологии сводятся к следующему: необходимо формировать у людей чувство сопричастности к культуре и искусству, желание участвовать в их сохранении и развитии; культурное наследие и актуальное искусство надо сделать соразмерными доходам большинства людей, чтобы они могли внести свою лепту в его сохранение и развитие; культурные ресурсы необходимо превратить в товары и услуги, научиться продавать их «в розницу и по мелочам», но так, чтобы сохранялись целостность и неисчерпаемость культуры. Подтверждением этой тенденции стало развитие в России целой отрасли культуры — «культурной индустрии» и так называемых территориальных брендов, направленных на формирование положительного имиджа территории, позитивной местной идентичности и повышение ее инвестиционной привлекательности.

Вот такая культура вам досталась, и выбор за вами — подчиниться инерции и надеяться на лучшее или искать возможности продуктивного сосуществования культуры и экономики. Кто знает, может быть, именно в учении Маркса вы найдете подсказки.

— Скажите, пожалуйста, «человек потребляющий» — это то же самое, что и «человек производящий», или нет? (вопрос из зала)

И. В. МАЛЫГИНА: — Совершенно не обязательно. Другое дело, что спрос по-прежнему рождает предложение, а социальный и культурный запрос рождает соответствующие тренды в экономике. Потребление ориентировано не только на материальные блага, но и на информацию, услуги, а сегодня еще и на впечатления.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю выступить Татьяну Викторовну Кузнецову с докладом на тему «Влияние марксизма на учение А. А. Богданова».

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Сегодня для нас не является необычным обмен идеями между марксистской философией и другими философскими школами и направлениями. Мне хотелось бы поделиться теоретическим наследием Александра Александровича Богданова и влиянием марксизма на формирование этого русского мыслителя. Он жил в эпоху, когда философия была не слишком популярна в социал-демократическом движении. Богданов, напротив, довольно рано проявил склонность к конструированию всеохватывающей философской системы, дающей целостную картину мира и определяющей отношение к нему человека. Нащупывая пути, ведущие к этому грандиозному философскому синтезу, Богданов пришел к выводу, что его основой должен стать социальный материализм Карла Маркса, создание которого русский мыслитель признавал революционным переворотом во взглядах на общество в целом, на культуру, философию, историю и т. д. В этом смысле Богданов считал себя «правоверным» марксистом и отвергал иные оценки и характеристики своих взглядов. Однако марксизм он понимал своеобразно, уделяя особое внимание его методологическим функциям. Марксизм стал для Богданова некой матрицей, в которую должно было отлиться новое мировоззрение, — то есть материалом для ее заполнения должны были стать новейшие течения мысли.

Если, с одной стороны, абстрагироваться от политической биографии Богданова, а также от духовной атмосферы тогдашней России, в которой увлечение марксизмом в интеллигентской среде было чрезвычайно сильно, а с другой стороны, принять во внимание лишь теоретические мотивы его обращения к философским идеям Маркса, то легко увидеть, что он рассматривает эти идеи как средство решения внутренних проблем иного философского учения — махизма. Богданов увлекался философией Маха и Авенариуса, в которой видел наиболее законченное воплощение познавательного отношения к действительности. Поэтому, рассматривая понятие социально-организационного опыта, Богданов выводит на первый план идею социально-исторической обусловленности познания. И в этом контексте у него возникает потребность использования концептуального аппарата марксизма. Ссылаясь на идеи Маркса и Энгельса, Богданов трактует процесс познания как смену идеологических

форм, характеризуя при этом в рамках собственной философской системы идеологию современного технического процесса. Он рассматривает идею принципиальной однородности физического и психического опыта, и в связи с этим говорит о миропонимании пролетариата, которое противостоит классовому сознанию буржуазии и ее индивидуалистическому социальному опыту, сконцентрированному вокруг личного «я».

Нужно отметить, что Богданов не просто дополняет марксистские идеи махистскими — он как бы одновременно пребывает в двух теоретических плоскостях. Такой тип «маргинального теоретика» в те времена встречался очень редко, но уже со второй половины XX века стал довольно распространенным и проявил себя в сочетаниях марксистских и экзистенциалистских, марксистских и структуралистских, марксистских и феноменологических теорий.

Это «маргинальное философствование» представляется очень важным для понимания того, как менялись модели развития марксизма, и закономерностей историко-философского процесса в целом. Поэтому анализ теоретического наследия Богданова в немалой степени способствует формированию такого специфического явления, как философская культура.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Татьяна Викторовна, Вы действительно обратили внимание на очень важный аспект, что едва ли в философии после Маркса, особенно в философии XX века, есть фигура, которая не испытала бы прямого или косвенного влияния Маркса, не говоря уже о неомарксистах.

К микрофону приглашается Нина Самуиловна Зеликина. Тема доклада — «Марксизм как наука и идеология (взгляд из российской истории)».

Н. С. ЗЕЛИКИНА: — Уважаемые коллеги, несмотря на то что я отношусь к тому поколению гуманитариев, которое получило образование в советское время, хочу все же поспорить с некоторыми из вас. Может быть, мне просто повезло с университетом — я заканчивала исторический факультет нашего Санкт-Петербургского, в те времена Ленинградского, университета, — но, во всяком случае, мы всегда воспринимали марксизм не как догму, а исключительно как руководство к действию. Помнится, у меня еще тогда возник вопрос: могла ли идеология, которая определялась Марксом как ложное сознание, быть научной? Как мне кажется, дихотомия «наука—идеология» сохраняет важное значение до сих пор, но мне бы хотелось остановиться только на одном небольшом аспекте.

Сложилась несколько парадоксальная ситуация: Марксу и повезло, и не повезло с Россией. Казалось бы, это единственная страна, которая в течение 70 лет развивалась под влиянием идей марксизма (хотя и с добавлением «ленинизма»). Однако, как только закончилась та власть, которую называли советской, Россия стала-таки единственной страной — из европейских во всяком случае, — которая избавилась от наследия Маркса с такой быстротой, что сейчас в ряде библиотек найти собрание сочинений Маркса,

изданное в свое время миллионными тиражами, — непростая задача. Это тем более парадоксально, что, как вы помните, первый том «Капитала» Маркса был впервые переведен именно на русский язык. И Маркс в своей переписке с русскими мыслителями подробно объясняет все и о своей теории, и об особом пути России. Но при этом он категорически против того, чтобы его идеи использовались «в качестве универсальной отмычки, позволяющей объяснить любой исторический феномен», — это прямая цитата из его письма. Он не был русофобом, совсем наоборот. В период отмены крепостного права к нему обратились русские революционеры с вопросом о том, насколько применимы его идеи к России. Он им объяснил, что говорил прежде всего о Западной Европе и что он категорически против того, чтобы его «исторический очерк пытались превратить в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы». Более того, он отмечал особую роль России, которая может избежать капиталистического пути, и говорил, что крестьянская община, на которую опирались в своих теориях народники, сможет прекрасно развиваться и без капитализма. Россия действительно обошлась без капитализма, но несколько в ином смысле, чем предполагал Маркс. Знаменитой революционерке Вере Засулич он писал, что России не нужно «торопиться в капитализм». Что сделали русские революционеры? Спрятали это письмо, не стали публиковать. Обо всем этом стало известно уже гораздо позже.

Проблема еще и в том, что когда к власти пришли революционеры, именовавшие себя марксистами, они стали всячески популяризировать марксизм, но по большей части среди абсолютно безграмотного населения. Поэтому марксистские теории пришлось очень сильно упрощать (примером может служить, например, «Азбука марксизма» Н. Бухарина). Но наряду с этим была создана еще и Социалистическая академия, деятельность которой до сих пор никем не изучается. А ведь там работал и уже упомянутый Георг Лукач, и в целом шло теоретическое развитие марксизма. Но массовое сознание это не затронуло. Более того, к концу 1920-х годов все дискуссии в Социалистической академии были свернуты и было заявлено, что несогласие с теми или иными положениями марксизма приравнивается к борьбе с Советской властью. Осталась Академия наук, в которой марксизм продолжал изучаться, но массовое сознание базировалось на шаблонах, на так называемом марксизме-ленинизме, который ни к Марксу, ни к Ленину не имел почти никакого отношения. Истинную ценность трудов Маркса стало возможным оценить только многие десятилетия спустя. Думаю, что Маркс, как всякий великий мыслитель, создавший непротиворечивую систему, по-прежнему будет привлекать к себе все новые умы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — С докладом выступает Светлана Борисовна Никонова. Ключевой тезис ее выступления — марксистская интерпретация стратегий гуманитарного образования.

С. Б. НИКОНОВА: — Я была несколько удивлена, услышав от коллег, что Маркса забыли, что его не читают, что отношение к нему по большей части негативное. По моим наблюдениям, все наоборот: Маркса много читают, он крайне популярен. Уже говорилось о западном характере марксизма. Добавлю от себя, что в западной философской традиции Маркс — одна из ключевых фигур. Поскольку я специализируюсь на современной западной философии, мне так или иначе приходится соприкасаться именно с этой традицией. И могу сказать, что если марксизм и утратил популярность, то лишь в отечественной мысли. Причиной является тот факт, что в советские времена он был принят в качестве государственной идеологии, в которой от него как такового почти ничего не осталось. Революция в России произошла под знаменем марксизма, но уже сильно видоизмененного. А после нее от марксизма осталось фактически одно название: при Сталине страна вернулась скорее к принципам самодержавия, которые — пусть даже в какой-то мере — были действительными, но уже не имели совершенно никакого отношения к Марксу. А слово «марксизм» стало ассоциироваться с государственной машиной. Потому его и хотят вытеснить как инструмент подавления. Но во всем остальном мире Маркс — значимая фигура, его влияние сопоставимо с влиянием Канта, Гегеля и Ницше. Многие течения современной философии опираются на Маркса.

Отдельно хотелось бы сделать несколько замечаний к докладу Александра Петровича. Он говорил, в частности, о том, что Маркс негативно относился к труду, считал, что «коммунизм — это царство досуга», отвергал христианское понимание труда. Но тут нужно сделать поправку, что речь идет не об общехристианском отношении к труду, а лишь о протестантском, когда труд считается самоценным. Маркс отвергает протестантское отношение к труду — но то же самое делают и нынешние его противники. А «христианское допротестантское понимание царства Божьего», о котором он говорит, — это не труд, а скорее его противоположность, досуг. На самом деле Маркс ценит труд, у него коммунизм — это царство труда. Но это не отчужденный труд, как в современном ему обществе, — это творческий труд. Коммунизм, по Марксу, представляет собой некое эстетическое состояние, в котором все люди являются художниками и не столько трудятся, сколько творят.

Кроме того, марксизм обосновывает необходимость гуманитарного образования в современном мире — эстетического, плюралистического, творческого образования, которое не должно быть подкреплено экономической буржуазной необходимостью. Иными словами, гуманитарное образование с точки зрения марксизма — это средство борьбы с капиталистическим обществом в его современном виде, то есть с «экономикой потребления».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Да, существует известное высказывание Маркса о том, что царство свободы начинается по ту сторону труда. Ольга Ивановна Ставцева, Вам слово. Вы обозначили тему своего выступле-

ния так: «Критика современной идеологии как развитие марксистского проекта».

О. И. СТАВЦЕВА: — Прежде всего я хотела бы ответить на очень интересное, полемическое выступление Александра Петровича Маркова, задавшее тон нашей сегодняшней дискуссии. Мне в принципе понятна обида мыслителей консервативного направления, которое, как мне кажется, представляет Александр Петрович, на Маркса, поскольку у консервативных мыслителей иной концептуальный аппарат, иной образ будущего, иной образ человека, нежели тот, который предлагает Маркс. Консерваторы говорят о самобытности, культуре, цивилизации, традиционных ценностях, уникальности русской традиции, российской исключительности. Все эти концепты практически не соотносятся с тем, о чем говорит Маркс, — о классовой борьбе и экономическом детерминизме. Маркс не говорит о национальном, он говорит больше о классовом. И о народе он тоже не говорит.

С другой стороны, я всецело присоединяюсь к мнению Светланы Борисовны о том, что в нынешнем деидеологизированном пространстве отношение к Марксу перестало быть негативным, оно чисто исследовательское, как отношение к Ницше или Фрейдю. И, разумеется, в современной философии продолжают сохраняться марксистский нарратив, марксистская теория. Развивается марксистская теория искусства. Особенно интересна марксистская теория и практика кино, которую стоило бы уже выделить в особый тип дискурса. Мои тезисы, в частности, представление о марксистской теории кино, основаны на критике современной либеральной идеологии Славоем Жижекком и на трудах ныне живущего московского философа, политика, исследователя и пропагандиста Маркса — Алексея Цветкова. Именно он написал предисловие к «Капиталу» Маркса, изданному к его двухсотлетию юбилею. Он же автор работ «Поп-марксизм» и «Маркс, Маркс, левой!», а также сборника художественных произведений «Король утопленников».

Конечно, марксистскую теорию культуры надо начинать с произведений самого Маркса, который понимал художественное творчество как неотчужденный труд. Поэтому он считал, что нам могут поведать что-то важное и творцы из других эпох, например Шекспир или какой-либо другой мыслитель или поэт. Они более значимы для нас, поскольку занимаются именно свободным художественным трудом. Кроме этого, конечно, необходимо читать работы Плеханова, Ленина, Лукача и его ученика и идейного наследника Михаила Александровича Лифшица, а также наследника архива Лифшица — Виктора Григорьевича Арсланова.

Нужно отметить, что во второй половине XX века в марксистской теории культуры происходит переворот: отказ от мышления в жестких рамках схемы «базис–надстройка», когда вся культура понимается как часть тотального производства. Об этом говорит сегодня Паула Берно, об этом пишут Адорно и Хоркхаймер в «Диалектике просвещения» и «Эстетической теории». Сегодняшние теоретики марксизма в сфере культуры — это прежде всего Фредерик Джеймисон, Тер-

ри Иглтон, Ги Дебор, Франко Моретти. Можно назвать еще множество других имен.

И в заключение, отвечая на вопрос, как подойти к Марксу студентам, могу дать совет: надо пойти в кино и посмотреть фильмы Ларса фон Триера, Луиса Бунюэля, Жан-Люка Годара. Все они марксисты, причем одновременно и теоретики, и практики кино. Это же относится к нашему выдающемуся режиссеру Сергею Эйзенштейну. Он не только снимал кино, он, в частности, создал еще и культурный манифест «Монтаж аттракционов». Он пишет: «Кино — это прямой способ проникновения диалектики в мозг. Кино — это лучший способ организации массовых эмоций». Когда мы читаем литературный текст, мы включаем воображение. Кино не требует работы воображения — нам все показывают. Что при этом происходит с восприятием? Часть зрителей начинает рефлексировать — это те немногочисленные философы, теоретики кино, которые думают о том, как превратить его в нарратив. Но большая часть идентифицирует себя с каким-либо персонажем и переживает его опыт, показанный на экране. Таким образом становится возможным трансформировать исторический опыт и в результате способствовать тому прогрессивному праксису, о котором говорит Маркс. Кроме того, марксистский нарратив непосредственно представлен в кино, поскольку марксизм по сути дела драматургичен: он говорит о диалектике, противоречиях, классовой борьбе. Поэтому многие современные фильмы можно представить в виде марксистского повествования.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, очень интересные замечания о марксизме. Да, люди консервативных взглядов, конечно, не могут ни понять, ни принять Маркса. Маркс — это революционер, Маркс — это критик. Как уже говорил Владимир Александрович, «Капитал» — по сути критика политической экономики. Маркс не просто исследовал капитализм, он стремился понять, как капитализм может быть преодолен, какие враждебные ему силы зарождаются внутри него. Он не сторонник экономического детерминизма, он исследует, каким образом человечество может выйти за пределы существующей экономической формации, перейти от предьстории к истории. Конечно, это другой взгляд, другой мир, отличный от консервативных представлений.

Справедливо и то, что, говоря о марксизме, сегодня уже недостаточно апеллировать только к текстам. Конечно, это основная база марксизма, но он давно вышел за пределы этих текстов и вошел в плоть нашей культуры, нашей жизни. Я думаю, что помимо примеров из области кино можно привести примеры из многих других сфер человеческой жизни, которые вобрали в себя многое из марксизма, — прежде всего из русского авангарда начала XX века, совершенно блестящей эпохи в истории современной цивилизации.

О Марксе и марксизме нельзя говорить абстрактно, только как об учении, запечатленном в соответствующих авторских текстах. Для адекватного суждения о них надо учитывать практический опыт их сознательного применения в качестве направляющей осно-

вы общественно-политической деятельности партий, народов, государств. Мы в России в этом отношении имеем уникальные возможности и, можно даже сказать, преимущества. Ведь мы как народ и государство более 70 лет жили по Марксу, выверяли свои общественные преобразования и идеалы по его учению, конечно, обогащенному и конкретизированному его великими русскими учениками, прежде всего Лениным, но в своих принципиальных основах и ключевых положениях разработанному им. И мы же уже более 30 лет стремимся освободиться, если можно так выразиться, от марксистского наваждения.

Оставим сейчас в стороне то великое и трагическое 70-летие: мы, надо честно признаться, не готовы еще для трезвого и вдумчивого разговора о нем, потому что, с одной стороны, пепел предков стучит в сердца многих наших сограждан и мешает им быть рассудительными, когда речь заходит о той горячей эпохе, а с другой — сегодняшние хозяева жизни боятся как огня возврата в те годы плебейской справедливости и весьма преуспели в клевете и опощлении советского прошлого, его идейных основ. Давайте рассмотрим, много ли мы выиграли, отказавшись от марксизма как «единственно верного учения». Мы несомненно выиграли, освободившись от идеологической предзаданности и догматической скованности мышления, наш интеллектуальный и духовный взгляд стал более раскованным, а тем самым — и более широким и богатым. Правда, мы одновременно потеряли и некий идейный и интеллектуальный стержень, объединяющий и делающий народ единым целым. Отказ от марксизма означал отказ от исторического взгляда на развитие общества и от принципа классовой борьбы как его движущей силы. На смену им пришел так называемый цивилизационный подход в геополитической упаковке. Но привела ли эта смена методологических и теоретических приоритетов к более глубокому и точному пониманию того, что происходит в современном мире?

Далее, отказ от марксизма означал также отказ от коммунизма как идеи и исторической перспективы. Возникает вопрос: не потеряли ли мы вместе с коммунизмом также само будущее, историческую надежду на возможность социально справедливого человеческого общежития? Говорят, что марксизм вносил в общество раскол по социальному признаку, санкционировал и стимулировал классовую ненависть и социальную борьбу, выступая тем самым в качестве деструктивной силы. Оказалось, однако, что отказ от марксизма не привел к сплочению и сближению в обществе, а многократно умножил конфликты, борьбу, дезинтегративные процессы. Словом, сама судьба марксизма подтверждает важную марксистскую истину, согласно которой завоевания и потери, положительные процессы и негативные следствия идут в истории рука об руку.

Завершая наш сегодняшний интересный разговор, хочу сказать, что мы только наметили некоторые актуальные аспекты в учении Маркса и едва затронули нашу общую тему «Марксизм и культура», а между тем она заслуживает самого пристального изучения. Марксизм, как мне представляется, не просто содер-

жит в себе цельное представление о культуре — он означает новый подход к пониманию культуры. У Маркса есть знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе, который сегодня уже цитировали: философы различным образом объясняли мир, но задача состоит в том, чтобы изменить его. Собственно, это формулировка марксистского учения о бытии в целом. О чем здесь говорит Маркс? Он говорит о том, что прежняя философия рассматривала саму себя как некую самодовлеющую сущность и изучала бытие в отрыве от мыслящего человека. Нужно создать такое учение о бытии, которое включает и мыслящего человека, и самого философа как мыслящий орган бытия. То есть Маркс интерпретировал бытие как общественное бытие, практику, деятельность — не нечто природное, что существует до человека, независимо от человека и что мы можем познать, лишь изучая со стороны. Нет, бытие — это нечто, включающее нас самих в качестве мыслящих существ. Бытие есть наша деятельность. Но если мы понимаем бытие как деятельность, то в значительной степени понимаем его как культуру. В этом состоит отличный от прежних взгляд на культуру. Как мы традиционно понимаем культуру? Это то, что отлично

от природы. Это та форма, в которую мы преобразуем природу. А в представлении Маркса, отраженном в его одиннадцатом тезисе, противоположность природы и культуры снимается. Оказывается, что культура не может существовать вне природного вещества и природное вещество не существует вне культуры. Это, конечно, другой подход, требующий серьезного концептуального осмысления.

И если мы с учетом именно философских корней учения Маркса рассмотрим его основные экономические понятия: производительные силы, производственные отношения, базис, надстройку, формы общественного сознания, то это окажется лишь конкретизацией более общезначимых вещей, уже входящих в понятие культуры. Это еще одно подтверждение того, что в учении Маркса заключен огромный теоретический потенциал не только для понимания исторического развития общества, его социальной структуры, но и для понимания самой культуры, для развития культурологии.

Большое спасибо всем участникам сегодняшнего обсуждения, которое интересно не только своими результатами, но и самим фактом того, что оно состоялось.